

певеля улыбающимися губами: „ничего, Раекъ!“ Онъ всталъ и перешелъ въ залу.

Рѣзниковъ догналъ его. Взявъ пріятеля подъ руку, онъ тихо спросилъ:

— А что Раиса Николаевна?.. кажется?..

— Да, да. Это ужъ несомнѣнно.

Подводя Рѣзникова къ окну, за круглую горку съ цвѣтами, Оедоръ Игнатьичъ продолжалъ:

— Меня, Вася, это и радуетъ, и тревожить. Матери всего восемнадцатый годъ!

— Тебѣ слѣдуетъ посоветоваться съ Ворошилинымъ. Впрочемъ и я кое-что смеаю.

Оедоръ Игнатьичъ крѣпко пожалъ руку пріятелю.

Отъ времени до времени докторъ, играющіе въ карты, раздражались смѣхомъ по поводу ремиза или шлема. Молоденькій врачъ въ золотыхъ очкахъ, получивъ чудесныя карты, радостно затопалъ ногами и вскричалъ:

— Вотъ я васъ!

Онъ объявилъ большую игру и остался безъ двухъ. Это несчастіе было встрѣчено оглушительнымъ ржаніемъ партнеровъ, откинувшихъ назадъ головы съ раскрытыми счастливыми ртами.

Въ гостиной дамы ѣли фрукты и варенья. Никодимъ Павловичъ внимательно смотрѣлъ на Жюли, которая допрашивала его, почему Бэконъ былъ взяточникомъ, и можетъ ли уживаться въ душѣ высокое рядомъ съ низкимъ.

— Я не постигаю этого! — говорила она съ искреннимъ огорченіемъ и почти со слезами на глазахъ.

Рѣзниковъ вернулся въ гостиную, и черноглазая Бояринова стала рассказывать ему анекдотъ. Это былъ новый анекдотъ. Но память опять измѣнила ей, и такъ какъ анекдотъ долженъ былъ быть въ высшей степени смѣшной, то она расхохоталась. Рѣзниковъ вторилъ ей, любуясь ея свѣжимъ лицомъ и въ то же время думая: „Ну, козочка, ты глупа, съ тобой разговаривать долго не придется“.

Въ двѣнадцать часовъ гости были приглашены въ столовую. Длинный столъ сверкалъ граненымъ хрусталемъ и серебромъ, которое получила Раиса въ приданое. Нѣкоторые доктора посматрѣли съ полузавистливой улыбкой на эту обстановку и подумали: „Ишь, у него и серебрецо“.

Жена старшаго врача стала ѣсть съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать: „Ну, попробуемъ, какъ ѣдятъ мои подчиненные. А вѣдь, право, не дурно. А между тѣмъ Гран-